

Николай Сергеевич Башев

12+

Друг мой - Беркут_2

Николай Сергеевич Башев
Ирина Дмитриевна Башева
Друг мой – Беркут_2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50935760

SelfPub; 2020

Аннотация

Пять книг под общим названием «Друг мой – Беркут_...» расскажут вам о жизни и приключениях дальневосточного мальчишки, мечтающего строить самолёты. Они расскажут о золотом времени советской авиации, о замечательных людях и горьких потерях... Эти книги для тех, кто на месте не сидит, у кого внутри огонь горит и кому всегда 17 лет в душе.

Друг мой – Беркут_2.

Край далёкий – с лесами да сопками,
С поздней жалобой птиц – это ты
Разбудил голосами высокими
Сыновей золотые мечты.

П. Комаров

Как Я родился.

Мы рождены в краю суровом.
Мы рождены в краю тигровом!

М. Башева

Мои родители приехали на Дальний Восток в небольшой городок Бикин в далёком 1935 году сразу после свадьбы-женитьбы в поезде «Новосибирск – Владивосток». Купили старый бревенчатый дом и перенесли его на новое место по адресу Горный переулок 14. Посадили сад-огород, завели корову, козу, поросёнка, курочек, и стали по утрам заглядывать в капусту за мальчиком или девочкой.

В 1936 году нашли там мальчика Вову, через год ещё мальчика – Гену, в 1941 году – девочку Люсю, в 1944 году – мальчика Витю, в 1949 году – мальчика Сашу.

Первого ноября 1953 года, вместе с первым снегом, дошла очередь и до меня. С тех пор в день моего рождения хоть одна снежинка, но упадёт с неба на мою голову. Капуста капустой, а акушерку по фамилии Кацеба позвали. Жила она по соседству с нами, и принимала все роды у моей мамы. Через неделю свозили нас в роддом на часок, чтобы показать вра-

чам и выправить документ о моём появлении на свет.

Отец выбрал мне имя по календарю в память о великом путешественнике Николае Михайловиче Пржевальском. Как и мой знаменитый тёзка, я всё время в пути, всё время в дороге. Около шестисот тысяч километров прошёл, проехал и пролетел по нашему Земному Шарику. А вот в Антарктиде не случилось побывать. Постараюсь исправить этот пробел. Желание есть.

Как воспитать школьника.

Первая моя оценка в жизни была «Кол»!!! То есть единица. Потому, что не хотел в первом классе читать и писать по слогам «ма-ма мы-ла ра-му». Это был сентябрь месяц, осень, теплынь, красота. Я получил свой заслуженный красный «кол» во всю страницу, вышел из школы, проткнул тетрадь ивовым прутом и, размахивая этим «знаменем», пошёл домой...

Вечером получил крепкого ремня. Не помогло... До Нового 1962 года я валял в школе дурака, потому что мне там делать было нечего. И по вечерам втихаря продолжал читать с армейским фонариком под одеялом приличные, на мой взгляд, книги: «Чингизхан», «Конники», «Батый», «Овод»...

Ги де Мопассан, О.Генри, Байрон, Хрестоматия по литературе, Справочник Конструктора по машинам и механизмам познакомили меня с миром взрослых. Очень было обидно, когда в библиотеке отобрали книгу «Денис Давыдов»,

мол, в первом классе рано такое читать...

Перед самыми Новогодними праздниками отец пошёл в школу на родительское собрание и узнал про мои «успехи в учёбе». ЧЁРНЫЙ трофейный ремень сбитого немецкого лётчика исполосовал мою попу вдоль и поперёк. Три дня: 31 декабря, 1 и 2 января, я лежал с температурой 39градусов...

После такого «урока» я учился только на «отлично». Затем стал неплохим конструктором самолётов в ОКБ имени П.О. Сухого.

Молоко.

Мы выросли на настоящем парном молоке. Родители наши всегда держали дойную корову. Это и спасло семью от голодной смерти в годы войны. В 1945-ом году отец купил чёрно-белую корову Марту.

Новая кормилица стала давать маме до тридцати литров жирного молока в день. Это три полных ведра! Кружка парного молока и кусок хлеба – королевский завтрак для растущих ребятишек. Марту любили все. Когда пастух на исходе дня пригонял стадо с пастбища, то мама встречала нашу красавицу на ближайшем перекрёстке солёной горбушкой хлеба и вела домой. Без этого угощения наша коровка Му-у могла стоять на повороте всю ночь, и требовательно мычать на всю улицу.

Мой самый старший брат Вовка научил Марту быстро бегать и перепрыгивать через солдат, отлавливающих коров для сдачи их в комендатуру за то, что коровы заходили на

территорию воинских частей в поисках объедков у солдатских столовых. Обратную корову можно было получить только после уплаты большого штрафа. За эти деньги на лесозаводе можно было купить целую машину дров.

Все ближайшие земли вокруг города были заняты воинскими частями, стрельбищами и полигонами. Поэтому ближайшие пастбища были аж за 10-12 километров. Вовке приходилось вставать в три часа ночи, чтобы выгнать корову в стадо, которое днём пас пастух.

Лето на Востоке очень жаркое. Если кто-нибудь ленился и не доил корову днём, то молоко у неё перегорало, и она переставала доиться совсем. Тогда бурёнку отправляли на мясо. Нам без коровы пришлось бы очень плохо. Поэтому по очереди приходилось каждый день пешком отправляться в полдень на пастбище, чтобы подоить нашу кормилицу. Два больших алюминиевых бидона, полных парного молока и укрытых от жары пучками зелёной травы, вытягивали наши руки до земли.

Дома мама процеживала молоко через двойную прокипячённую марлю, на сепараторе отделяла сливки и делала в духовке топлёную сметану. Мы вручную взбивали сливочное масло, которое обязаны были сдавать бесплатно в Потребсоюз за то, что имели корову. Моя сестра Люся разносила молоко по офицерским квартирам в гарнизоне, зарабатывая сущие копейки. Но мы и им были рады, ведь за них покупали хлеб, а без хлеба обед не обед.

Отец мой, Сергей.

Для нас отец всегда был высоким, стройным и красивым!
Наверное, в 20 лет он и был таким.

Да и в 33 года уходил на войну крепким и здоровым...

Но ведь вернулся! Через 4 года... Пусть израненный и контуженный, но живой!

А сколько таких русских солдат осталось под берёзами и соснами, и в своей земле, и в чужой.

Хороша страна Болгария, но России лучше нет!

Если бы война закончилась в Болгарии, то остался бы солдат там, выращивал розы, купался в Чёрном море, ракию тянул сквозь трубочку губ и наслаждался жизнью.

Но, скатку на плечо и вперёд, на запад, на Берлин!..

Затихли пушки над Германией, и покатили вагоны-теплушки на Дальний Восток, домой.

А там уж дети выросли и отца забыли в лицо, какой он.

И хозяйство без мужских рук рассыпалось бисером.

И жена-героиня, что сберегла детишек в лихую годину, из последних сил тянула житейский воз.

Вернулся!

И за работу. Поднять забор поваленный, дров на зиму заготовить, сена накосить, ребятишкам обувку справиться...

И на работу 6 дней в неделю. А в получку 470 рублей – это 5 мешков муки 2-го сорта. Так платили бухгалтеру в те далёкие времена.

Отец работал в Заготовительной конторе районной потре-

бительской кооперации шесть дней в неделю.

Принимал от населения кедровые орехи, лечебные травы, шкурки зверей диких, овощи с огородов, мёд таёжный, металлолом, банки консервные...

Субботними вечерами на брёвках у калитки собирались с нашей улицы мужики фронтовики с вопросами к моему отцу и с проблемами, что и как лучше сделать. Половина из них грамоту знали плохо, некогда им было учиться: то в тайге зверя добывали с малолетства, то воевали.

Страна стремительно менялась, и не было ей дела до них.

В газетах всё мудрено и непонятно писали. Попробуй, разберись, что там наверху задумали, и чем это обернётся для простого работяги.

Пришла установка развивать совхозы. В переводе на житейский язык это означало, что надо обрезать огороды, оставить не более 10 соток, запретить поросят держать, ввести налог на плодовые деревья. И финансового инспектора поставили подворья обходить и живность переписывать. Что мужику делать? Как быть? Да чтоб в кутузку не попасть...

Вот отец мой и читал мужикам газету «Правда», а потом объяснял, как выкрутиться и выжить, и скотинку спасти и детишек вырастить здоровыми и сильными. А то кто пойдёт в армию в 18 лет? Кто будет страну защищать? То-то и оно...

Погуторят соседи, повздыхают и просят отца спеть песни, что с фронта привёз. Вынесет он немецкий аккордеон на улицу, сядет на солдатский табурет, пробежится пальца-

ми по клавишам и запоёт. Да так запоёт, что вся округа соберётся с бабами да детишками. Не стерпит Мария, бросит домашние дела, выйдет за калитку и мужу вторить начинает. Ближе к полуночи уже одна, без музыки, чистым голосом завершит вечерку песней про Стеньку Разина.

Картошка.

Наша любимая еда в далёком детстве – это картошка, отварная с зелёным лучком или толчёная, с морожеными красными дикими маленькими яблочками, или просто жареная на гидрожире (сейчас такой жир не делают) или запечённая в углях.

Картошки надо было много. Кроме нас она кормила и курочек, и поросёнка, и козочек, да и коровке любимой доставалось по ведру, а то и по два в морозные зимние дни. Поэтому ранней весной в солнечные апрельские дни забывали с братом о школе, перекапывали грядки в огороде да на лесных расчищенных полянах, нелегальных корчёвках. Вышло всего примерно 45 соток.

Потом сажали картошку под лопату. Сашка делал ямки, я кидал в них картофелины. Сажали два сорта: красивую крупную и урожайную «Берлинку» (правильно она называлась «Берлингер», потому что привезена была из Германии) и белую плоскую «Лепёшку», очень разваристую и вкусную в пюрешке.

Через три недели начиналась самая противная работа – прополка. Как мы ненавидели сорную траву, забивающую

молодые росточки нашей картошечки. Острой тяпкой рубили вредную зелень, обливаясь потом. Ещё через три-четыре недели повторяли прополку и окучивали подросшие кустики картошки конным плугом. Лошади у нас не было, вместо неё Сашка тянул за собой блестящий стальной плуг, я висел на сошках, заглубляя плуг в землю.

В июле-августе прилетали зелёные японские самолёты и разбрасывали над совхозными полями прожорливую божью коровку, съедающую картофельную ботву под самый корешок. Приходилось и нам опылять посадки дустом, злющим ядом. В конце августа или в начале сентября наступала самая тяжёлая пора – уборка.

Выкапывали картошку вилами. Если подкапывать лопатой, то множество клубней повреждалось или разрезалось на половинки, и они не годились для хранения. Пару дней урожай сушили во дворе на ветерке, а потом опускали в подвал.

Работали споро, чтобы успеть до сентябрьских проливных дождей, приносимых в Приморье тайфунами из Японского моря. Если урожай выдавался хорошим, то часть продавали по рублю за ведро, чтобы купить нам одежду и обувь на зиму.

Короткими зимними днями мы с Сашкой развозили по огороду на санках коровий навоз, чтобы удобрить землю, и вырастить в следующем году побольше крупной картошки. Так мы и росли в обнимку с лопатой, тяпкой и вилами.

А картошку на даче сажаем и сейчас, в память о тех далёких счастливых днях. Накопаем ведро-другое, разведём суб-

ботным вечером костёр, испечём десяток картофелин и наслаждаемся в сумерках вкусом детства.

Когда нет дров.

Зимы на Дальнем Востоке суровые. Минус 35°С – обычное дело в январе. А если погода с ветерком, то печка глотает поленья, как акула мелкую рыбёшку. Глянешь, а дровяник уже пустой, хоть забор разбирай на дрова.

Пока отец получит пенсию, пока сходит на лесозавод и закажет очередную машину дров, пока их привезут, можно околеть в нетопленной хате. Приходится доставать из сарая аварийный запас. Но это не дрова.

Это японский артиллерийский порох в полотняных мешочках. Его мы натаскали из заброшенного склада. Военскую часть давным-давно расформировали. Всё полезное распределили по другим частям. А про ненужные трофеи войны 1945 года просто забыли. Мы думали приспособить этот порох для охоты, но не получилось, не давал он мгновенной вспышки. Зато горел очень хорошо и жарко, согревая нас долгими зимними ночами, когда мы с братом, укрывшись медвежьей шкурой, прижимались к тёплому обогревателю нашей большой печки.

Картина.

Детство моё не назовешь избалованным. Отец целый день на работе. Мама по хозяйству занимается. А мы сами по себе. Успеешь удрать из дому пораньше – твоё счастье. Купаться на речке гораздо лучше, чем морковку полоть или поми-

дору собирать.

Вечером, правда, мама хлопнет пару раз для порядку мокрым полотенцем по моей тощей заднице, чтобы не отлынивал от домашних дел. Да ещё пригрозит, что с утра калитку гвоздями накрепко заколотит! А сама на стол нехитрый ужин для нас, разбойников, собирает: пирожки с картошкой и помидоры с огурцами. Быстро допиваю стакан чая и убегаю на улицу. Друзья уже ждут на крыльце пожарной охраны очередной мой рассказ. Каждый вечер новая быль или небыль, или книгу пересказываю по памяти, слово в слово.

Домой нас загоняют ближе к полуночи, когда весь город уже спит. Только старшие братья не спят, они с танцев девчат провожают до дому, и нас заодно отправляют спать. Укладываемся потихоньку, свет не включаем, бережём родительский сон. Прижмётся к тёплому обогревателю печки, и до утра без задних ног!

Светает рано. Лучик солнца пощекочет мои сонные глазки и на стенку перескочит поиграть. А на стене надо мной картина висит невиданной красоты: семь девчонок ведут хоровод среди цветов полевых на лужайке, по-над речкой самой. Младшей красавице лет семь, старшей четырнадцать или пятнадцать. Одна лучше другой. Из одежды на них только одна на всех розовая лента, обвивающая стройные фигурки.

Помню, что в правом нижнем углу была подпись мастера и слово "Фрагмент". Эту картину отцу подарил командир

дивизии, когда война закончилась, и всех распустили по домам.

Когда мне было лет 10, картина пропала. Никто не смог мне объяснить, куда она делась, то ли украли, то ли родители продали за бесценок, чтобы нас накормить и одеть. С тех пор я не перестаю искать её следы. Пока безрезультатно.

Увы, я не помню, кто автор этого шедевра, из какой она страны. Ничего похожего так и не обнаружил за долгие годы поисков. Хотелось бы взглянуть хоть одним глазком на чудо, которое 60 лет назад радовало моё сердечко по утрам.

На нашей кухне висела ещё одна картина, привезённая с фронта. На ней была изображена запечённая целиком рыба горбуша, совсем как настоящая. Рядом с аппетитным блюдом на столе стояла хрустальная пепельница с дымящейся тоненькой папироской.

Все наши гости, впервые увидев картину, тут же пытались снять окурок, думая, что это мои шалости, что это я прилепил недокуренную отцову папироску.

Судьба и этой картины не ясна мне до сих пор.

Она так же внезапно исчезла из нашего дома.

Мои поиски обеих картин продолжаются...

Наше детство.

Огород наш в 14 соток, картошка и капуста, огурцы и помидоры – это всё было заботой старших братьев, Вовки и Генки. Брату Саше досталось воду домой возить и носить из общественного колодца.

Сестра Люся разносила молоко в бидонах на продажу по ДОСам. ДОС – это сокращённое название Домов Офицерского Состава. Эти деревянные двухэтажные бараки до сих пор стоят в Бикинском гарнизоне, и в них живут наши военные. Строили их на скорую руку в середине XX века, а пригодились и в XXI веке...

Мне морковку ненавистную полоть пришлось, а в награду за труд по большим праздникам разрешали сбегать в сельпо и по книжке паевой купить триста грамм масла сливочного, принести домой, отрезать горбушку хлеба, смазать маслом, посыпать сахаром, выйти на улицу гордым-гордым и услышать со всех сторон завистливое и нестерпимо требовательное:

– Сорок семь дели на семь!..

И, как стая воробьёв, слетались на этот кусок хлеба голодные пацаны со всей улицы!

Компот.

Моё детство вспоминается постоянным чувством голода. Краюха белого хлеба, посыпанная тоненьким слоем сахара, была пределом мечтаний. Выручала рыбалка, но растущему организму рыба слабый помощник. Фрукты добывались во время ночных набегов на чужие сады, овощи – на совхозных полях. Иногда удавалось подстрелить метким выстрелом из рогатки чью-нибудь курицу, удравшую на улицу из хозяйского двора.

Зимой ставили в лесу проволочные петли на зайцев. Ле-

том собирали грибы да ягоды. А так хотелось развести большой костёр на лесной поляне, зажарить на вертеле целого быка и съесть без остатка вместе с рогами и копытами, потом запить обед земляничным компотом. Тогда бы на моих худющих руках и ногах налились могучей силой богатырские мускулы, и мой дядька Фёдор взял бы меня с собой в тайгу на настоящую охоту.

Поросёнок.

Мой отец как-то купил на базаре бойкого смуглявого месячного поросёнка для вертела. Только наша мама не дала его зажарить, уж очень ей понравился неумемный аппетит малыша. Через полгода этот поросёнок стал ростом, как наш барбос Пират, и такой же тощий! Доски в заборе перегрызал за пару минут. Весь двор превратил в танкодром, все мамыны клумбы перепахал, как бульдозер. Оказалось, что отцу подсунули дикую маньчжурскую чёрную свинью...

Сладкая ягода голубика.

На смену жаркому лету незаметно подкралась осень. Пора доставать с чердака берестяной наспинный короб и отправляться в тайгу за ягодой. Сначала голубика порадует нас обильным урожаем, потом брусника и дикий виноград. Богато лесными дарами Приамурье моё. Но надо знать места, не лениться и не бояться ходить за тридевять земель. Главное – это собрать добрую ватагу пацанов. В одиночку в тайге делать нечего.

Чтобы комары и мошка не обглодали нас до косточек, на-

до заранее сварить по бабушкиному рецепту вонючую мазь с керосином. В те далёкие времена наука ещё не придумала ничего получше.

Накомарник на всю голову вещь хорошая, да только плоховато смотреть сквозь него, и голубику не видно. Можно запросто и на змею ядовитую наступить ненароком.

За ягодой выходим ещё затемно, путь неблизкий. Огибаем сопку Кирсаниху и растворяемся в густых зарослях. Где напролом через сопки, где по сырым распадкам, а где и по болотам пробираемся к заветным местам.

Целый день аккуратно обираем рясные кусты, стараясь не давить сильно ягоду. Потечёт по спине голубичный сок, одежду выкрасит и спину с подспинком, и потную кожу разъест до мяса. Медленно наполняется короб, а тяжелеет почемуту-то быстро. Жёсткие лямки врезаются в плечи. Мы не скулим и не плачем. Стараемся побольше ягод набрать. Самую крупную отправляем сразу в рот, и к обеду уже набиваем дикую оскомину на зубах.

Покатилось солнышко к закату, а мы, довольные, покатились со своими торбами домой. Идём, друг перед другом хвастаемся, кто больше сладкой ягоды набрал. За разговорами раз не туда свернули, потом другой, в итоге вовсе заплутали. Наскочили на сплошные заросли чёртова дерева, в кровь ободрались острыми шипами. Обошли одну незнакомую сопку, ещё одну, встали и давай спорить куда идти дальше.

Спорили-спорили и решили вокруг третьей сопки идти по распадку. Не беда, что под ногами вода болотная захлюпала. Всё равно, давно уже ноги промочили. Идём и дивимся, почему дно у болота такое твёрдое и ровное, как будто шоссе спряталось в глухой тайге. Тут я вспомнил, как мама рассказывала про заключённых, которые в годы войны строили секретную дорогу к китайской границе для скрытной переброски наших танков, чтобы дать отпор японцам, захватившим Китай.

Так и вышли мы из тайги, нащупывая ногами твердынь, вспоминая добрым словом безвестных строителей.

Гостинцы из Японии.

Много-много лет назад в далёком городе Хабаровске три ученика четвёртого класса сбежали с уроков и в дальнем уголке большого школьного сада продолжили рыть землянку. Оставшись без родителей, не зная ласки, устав от казарменных порядков детдома, они жили мечтой о своём маленьком доме, пусть и спрятанном под землей. Копать было легко. Чёрная мягкая земля приятно пахла бабушкиным огородом. Ещё бы углубить яму на полметра, и можно приниматься за крышу.

Заскрежетала лопата по ржавому железу. Этого только не хватало. Делать нечего, надо откапывать помеху. Толстая болванка, круглая, тяжёлая очень. Вот не повезло! Надо было копать чуть в сторонке. И снова скрежет по металлу. Вторая болванка! Вот так дела, невезуха чёрная. Ещё

чуть-чуть, и глазам открылся сначала один артиллерийский снаряд, следом – другой. Не знают страха мальчишки, руками копают дальше. Вытащили оба снаряда на поверхность и принялись рассматривать в лучах заходящего солнца. Видно долго таилась в земле опасная находка. Ржавчина толстыми слоями лежит.

Форма у снарядов необычная, не такая, как в кино. Носовая часть, как обрезана. Через много лет я случайно наткнулся на описание подобного оружия. По всем приметам получается, что это были японские боеприпасы из далекого 1918 года, когда японские войска хозяйничали в Хабаровске. Но нам было не до подробностей. Раз есть снаряд, то надо его взорвать.

Обдирая руки ржавым железом, утащили находку на пустырь, подальше от школьного сада. В минуту собрали большой костёр, установив снаряды «на попа», слегка закопав низ в землю. Из сухой травы сделали длинный толстый жгут, одним концом вставили в основание костра, второй конец подожгли и бросились бежать. Бежали долго, пока не увидели небольшой овражек. В нём и залегли, изредка выглядывая наружу.

Отбушевало высокое пламя. Догорает наш костер в надвигающейся ночи. Почти час прошел, а взрыва нет. Надо бы подбросить сухих дров. Да нет смелых и отчаянных. Опять не повезло, не будет фейерверка знатного. Как вдруг хлопок изрядный, разметало уголья во все стороны, чёрно-бурое об-

лако поползло над землей.

Это не взрыв, а полная ерунда. Подождав немного, направились к развороченному костру. Поковыряли остатки золы, подсвечивая пучком горящей травы, и нашли в земле толстенную донную часть с остатками резьбы.

Сам снаряд улетел куда-то. Второй нашли неподалеку. Снова собираем костёр вокруг него и поджигаем. Снова лежим в овражке и ждём фейерверка. Снова взрыва нет, только звучный хлопок, да тысячи огоньков пронзили ночную тьму...

Я сапёр!

Наш небольшой город Бикин невысокой сопкой Лысухой разделён на две части, гражданскую и военную. Гарнизон был создан в тридцатые годы двадцатого века, чтобы отразить японскую угрозу. Японцы, захватив Китай и Маньчжурию, хозяйничали рядом, за рекой Уссури, всего в 18-ти километрах от города.

К шестидесятым годам гарнизон укрепили, теперь уже из-за китайской угрозы. За высокими зелёными заборами располагались различные воинские части, а дальше в тайге были оборудованы танкодромы и стрельбища, огороженные колючей проволокой.

Для нас, мелюзги, натренированной набегам тёмными ночами на фруктовые сады, это была не преграда. А вот караульных мы опасались сильно. Если кто-нибудь попадался на стрельбище, то его передавали в комендатуру, вызы-

вали родителей, читали наставления, а дома изрядно пороли. Поэтому для походов на полигоны за боеприпасами мы выбирали осеннюю туманную погоду с мелкой моросью.

Охотились за неразорвавшимися минами от миномётов, снарядами от танковых пушек и патронами всех мастей. Обслуга стрельбищ регулярно зачищала территорию, но кое-что всегда оставалось в раскисшей земле в лесных зарослях.

Мы с Вовкой ползком подныривали под колючку и принимались обшаривать кустарник, высматривая опасные находки. Особенно гонялись за минами, из корпусов которых можно было сделать тысячу полезных вещей.

Заметив торчащий хвостовик такой мины, осторожно подползали к ней, руками убирали землю вокруг, вытаскивали «злодейку» из ямы и ползли с ней к толстому дереву. Там, обняв его руками, раскручивали мину и вытаскивали детонатор, наивно полагая, что ствол берёзы спасет наши головы, если вдруг мина взорвётся. Про руки или про то, что от них останется, мы старались не думать. Потом на брюхе выползали на свободу, переодевались в сухую одежду и мчались домой.

Из латунных гильз делали колокольчики для рыбалки и коровам на шею, для охраны садов и огородов. В тайне от родителей продавали их, зарабатывая копеечку. Из стабилизаторов делали ручные машинки для отделки домов известковым раствором с мраморной или гравийной крошкой. За хорошую машинку удавалось получить целых 5 рублей. Су-

масшедшие деньги! Это 25 буханок белого хлеба!

А то, что от наших буйных голов могла остаться только глубокая воронка в лесу, не волновало ни нас, ни наших покупателей.

Дед Михаил_1.

Я не знаю, откуда взялся в нашей жизни этот человек. Однажды летом он пришёл к нам домой в ношенной-переношенной одежонке и в шапке-ушанке. На вид ему было лет 65. Невысокий и худой. Мама Мария пыталась напоить его чаем с пирожками, но он наотрез отказался. А пришёл он с просьбой дать меня ему в помощь на рыбалку. Мама долго смеялась, ну чем малец в 10 – 11 лет может помочь на реке. Михаил объяснил, что он весну проболел, и теперь у него не хватает сил выгрести на вёслах против течения на крутых поворотах реки. Без помощника, мол, никак. А наша семья будет с рыбой всё лето и осень. Он хорошо рыбачит.

Жили мы в то время впроголодь, отец-то сильно болел. И мать согласилась. Если бы она хоть чуть-чуть представляла, что меня ждёт на этой работе, то ни в жизнь бы не отпустила. Я взялся помогать деду Мише, не раздумывая. Договорились, что с первых рыбалок он будет давать нам с десятков рыбин, а когда я обзаведусь своими снастями, то весь улов ими останется моим.

В то время я был худющим малым с огненной головой. Меня в шутку называли «луч света» за мою прозрачность. Сейчас я думаю, что в то время весло весило столько же,

сколько и я в одежде. Видно Михаилу было невероятно трудно в те дни, что он решился на такую помощь. Остаток лета и начало осени мы с ним каждую неделю на три-четыре дня уезжали на рыбалку в тайгу. В тайгу по-настоящему дикую, суровую и беспощадную, в то же время необычайно богатую и красивую.

В те далёкие годы в Приморской тайге в изобилии водились и травоядные и хищники всех мастей: кабарга и изюбрь, заяц и белка, лиса и волк, бурундук и соболь, куница и росомаха, рысь и бурый медведь, дикий кабан и гималайский медведь.

Полторы сотни тигров регулярно обходили свои владения. За убийство тигра давали 5 лет тюрьмы. Мой двоюродный дядька, спасая своего пятнадцатилетнего сына, застрелил тигрицу. Дядьку нашли и дали полный срок...

Оружия у нас не было. Собаки тоже не было, нам не по силам было бы её прокормить. Единственной защитой от зверья служил костёр. Поэтому спички берегли, как воду в пустыне.

Лодку мы брали у моих дальних родственников с непонятной фамилией Гец. Они жили тем, что промышляли в глухой тайге женьшень, который сдавали в Заготконтору. Мой отец работал бухгалтером в этой конторе. Война и тяжёлая контузия лишили его здоровья, вот и занимался сидячей бумажной работой, за которую получал 47 рублей в месяц.

Река в окрестностях Алчана кишела рыбой, но добыть её

стоило больших трудов. Сетями тогда никто не ловил, ставили перемёты поперёк реки и вдоль берегов. На каждом перемёте по сотне крючков. На каждый крючок надо было нажить малька. Этих мальков тут же съедали черепахи. Иногда они сами попадались сначала на крючок, потом в суп, наваристый и очень полезный, лучше куриного.

Основной клёв был ночью. Спали урывками по часу – полтора. Рыбу нельзя было оставлять надолго в воде (змеи и черепахи её сильно объедали, а сиги просто пропадали за 2 часа). Спали по очереди. Один спит, второй смотрит за костром и за лодкой, чтобы вдруг прибывшая вода не унесла её вниз по реке. Ужинали всегда с поздними сумерками.

От дождей спасали нас две истрёпанные плащ-палатки. Вода в реке даже в июле была ледяная. Стёганные фуфайки на вате спасали нас и от комара, и от гнуса, и от зверюги овода, и от ночного холода.

Михаил почти не разговаривал, всё молчком да молчком. Кое-как мне удалось узнать, почему он летом носил шапку. Оказалось, что во время войны его дивизия вплавь форсировала Днепр под Киевом. Налетели немецкие самолеты «Мессеры» и стали поливать из пулемётов. Девять пуль попали Михаилу в голову, прочертив глубокие борозды по затылку.

Жена получила похоронку, полгода поплакала и вышла замуж за соседа, потерявшего на войне обе ноги. Сам Михаил больше не женился, мотался по стране, зарабатывая копеечку...

Дед Михаил_2.

Своим домом Михаил так и не обзавёлся. Весь свой заработок он отсылал своей бывшей жене, помогая растить их второго сына. Первый сын умер в Отечественную войну от голода.

По словам наших соседей в Бикине, Михаил жил, снимая угол в доме-развалюхе у какой-то старухи. Всю добытую нами рыбу он вялил и сушил на продажу, мечтая скопить денег и уехать навсегда с Дальнего Востока в город Горький к сыну. Не знаю, на что он рассчитывал. Мать как-то обронила, что писем Михаилу давно никто не пишет.

Каждый год в конце мая я сбегал из детдома домой, чтобы помочь больным родителям. Всё лето проводил в огороде и на реке, про гулянку пришлось забыть. Моя часть улова целиком шла на стол. Мне нечего было продавать, поэтому своими снастями я так и не обзавёлся.

В первых числах сентября начались первые заморозки. Значит, в тайге дикий виноград из кислого стал сладким. Поэтому мы с дедом взяли с собой на рыбалку самую большую бочку, надеясь наполнить её лесным лакомством. Два дня я без передышки карабкался по деревьям, собирая на самых верхушках спелые ароматные грозди. К тому же вечерами и по утрам приходилось ловить наживку и проверять снасти, чистить и солить рыбу. И я устал, как чёрт.

Вдобавок пришлось изрядно попотеть, пока валили большие сухие деревья для костра, чтобы не замёрзнуть ночью.

Дед пожалел меня и дал поспать подольше, а сам остался караулить огонь и лодку. Проснулся я утром от холода. Костёр угас. Михаила нигде не было. Напрасно я звал его всё громче, пока не охрип.

Лодки на месте не оказалось. Зато вода в реке здорово прибывала, сорвав все наши перемёты. Видно в верховьях прошли ливневые дожди и принесли нам неожиданную беду. Я остался в непроходимой тайге один, без оружия и лодки. Это означало верную гибель.

Припрятав засоленную рыбу, я собрал в котомку нехитрые свои пожитки и начал пробираться вдоль реки, обходя скалы и густые заросли. К исходу дня мне удалось уйти достаточно далеко от нашей стоянки. Колючие кусты чёртова дерева, из корней которого делают целебную настойку, превратили мою одежду в сплошную рвань. Спускаясь с очередной кручи, я увидел на небольшом островке нашу лодку с дедом Михаилом. Он лежал весь мокрый и чуть живой.

Стало ясно, что ночью дед задремал и прозевал подъём воды в реке. А когда спохватился, то лодку течением унесло уже далеко. Пришлось ему догонять беглянку вплавь. Обдирая руки, бросился я разводить костёр из сырого плавника и веток. Перетащил деда поближе к огню, раздел и принялся растирать костлявое тело. Всю ночь ломал ветки, сушил одежду, грел крупные камни, которыми обкладывал Михаила.

Как только начало светать, погрузил всё в лодку и погнал

вниз по течению. Родственников дома не было. Помогли соседи. Перенесли Михаила в свою избу и поехали на мотоцикле за фельдшерницей. Меня посадили на поезд до Бикина, а там отправили с братом в детдом в городе Хабаровске, а потом ещё дальше, чтобы я не мог убежать домой. Больше деда Михаила я не видел.

Калуга.

В нашем интернате в городе Комсомольске-на-Амуре учились несколько мальчишек нанайцев. Их родители жили в маленьких стойбищах, это такие небольшие деревушки в низовьях реки Амур на севере Хабаровского края, где не было ни школы, ни магазина, ни почты, ни электричества.

Фамилии у нанайцев необычные, чаще всего Кялундзига или Саламдига. Других я не слышал. Все они родственники. На жизнь зарабатывали рыбной ловлей и охотой. Жили очень убого в бревенчатых домиках-завалюшках с керосиновыми лампами.

Витька Кялундзига учился в нашем классе. Учился – это громко сказано. Кое-как читал и писал, как курица лапой. Я делал за него домашние задания и помогал, как мог. Да и на что ему эта учёба? В лесу нужны другие знания.

Витька отлично ходил на лыжах и дальше всех бросал камни. А уж из рогатки стрелял просто потрясающе, как настоящий снайпер. Я научил его плавать в небольшом озерце за забором нашего интерната, где мы с пацанами устраивали на плотках Цусимские сражения с городскими оборванцами.

Обычно нанайцы не умели плавать сами и детей своих не учили этому полезному делу, хоть и жили тысячи лет на реке. Для нас это было и непонятно и странно. Мы-то сами, без всяких учителей, лезли в воду, как только начинали ходить. Вода-это жизнь!

Как-то перед Новым годом за мальчишками нанайцами приехали родственники, чтобы забрать их домой на зимние каникулы. Узнав, что я научил Витьку плавать, они позвали и меня. Дорога оказалась долгой и трудной. Сначала на грузовой машине по зимнику, накатанному по льду замёрзшего Амура, потом на гусеничном вездеходе ГАЗ-49 до стойбища.

С десятков избышек приютилось на берегу Амура. Все жители, даже самые маленькие, вышли встретить нас. Быстро накормили, напоили горячим чаем и тут же уложили кучей на нары. На следующий день Витька разбудил меня чуть свет.

– Вставай быстрее! Пойдём помогать рыбу тащить, – пристал ко мне, как колючий репей к собачьему хвосту. – Потом поешь.

Мы догнали нескольких нанайцев уже на реке. Нам дали по топоры и показали, где и как надо рубить лёд. Самый крепкий нанаец завёл бензопилу «Дружба» и принялся пилить лёд на квадратики. Часа через два получилась длинная полынья шириной метра полтора. С одного конца получился пологий спуск в воду. Его-то мы и прорубали топорами. Толстая верёвка, привязанная к столбу, намертво вмерзла

ному в метровый лёд, уходила вглубь полыньи.

– Интересно, чем это мы будем рыбу ловить, – подумал я.

Издалека донеслось рычание трактора, и с берега на лёд выехал ДТ-54. Он подъехал к нам и развернулся на месте. Нанайцы отвязали от столба верёвку и намотали её на крюк позади трактора. Водитель поддал газу, из выхлопной трубы на капоте мотора вылетело облачко гари, смешно раскачивая крышечку. Гусеницы принялись крошить бугристый лёд, и верёвка потихоньку поползла за трактором.

Вскоре из воды показалось что-то страшное и огромное. Я видел в книжках картинки с осетрами. Но те были размером с человека. А здесь на льду оказалась гигантская Царь-рыбина.

– Видал! Калугу взяли! Тонны на две потянет, – толкнул меня в бок довольный Витька. – На всю зиму хватит еды.

– Вот это рыбалка! Кому рассказать, так не поверит никто на свете, – пронеслось в моей ершистой голове. – Запросто может человека проглотить!

– Пошли домой. Есть охота. Вечером придём и посмотрим, как мужики будут рыбу пилить, когда замёрзнет, – быстро пробурчал и помчался домой мой узкоглазый друг.

Я поплёлся за ним, оглядываясь на невиданное чудище, застывшее на льду могучего Амура.

Застава.

Прошло всего 20 лет после Второй мировой войны. Наш сосед Китай быстро забыл, кто освободил его от японских

захватчиков в 1945 году. Непокойно стало на советско-китайской границе. Участились провокации и нарушения с той стороны реки Уссури. Пришлось увеличить количество пограничных застав по всему Дальнему Востоку.

Недалеко от моего родного города Бикин построили новую заставу имени Жидкова. На её торжественное открытие приехали лучшие люди Дальнего Востока. От нашей школы выбрали меня, как самого начитанного ученика. На небольшом строевом плацу во главе парадного строя заметил я молодого старшего лейтенанта с атлетической фигурой и добрыми глазами. Дождавшись удобного момента, подкатил к нему с просьбой показать что-нибудь необыкновенное.

– Сразу после обеда жди меня возле нашей столовой, хорошо? Я такое покажу, что запомнишь на всю жизнь! – обрадовал меня мой старший товарищ в зелёной фуражке.

Добротную солдатскую порцию умял за пять минут и выскочил на крыльцо, чтобы не упустить удачу.

– Давай-ка, мой юный друг, для начала подтянись на перекладине десять раз, а я посмотрю, есть ли у тебя порох в пороховнице.

– С такой едой, как у вас, я тридцать раз подтянуться могу!

– Тогда, отставить перекладину! Следуй за мной!

Широкими шагами мой командир направился по натоптанной тропинке, мимо курилки и склада, в дальний угол заставы. Сдержанное грозное рычание встретило нас на подхо-

де к вольерам, где, почуяв чужого человека, насторожились пограничные овчарки.

– Службу знают! Хорошо их инструкторы подготовили. Сейчас я тебя с ними познакомлю, и они успокоятся. Я с ними часто выхожу на границу, проверяя пограничные наряды.

– Какие они огромные! Первый раз таких вижу!

– Служба у них опасная. Поэтому мои ребята отбирают в специальных питомниках самых мощных и умных собак. А теперь взгляни сюда, – указал на стенку крайнего вольера мой экскурсовод. – Смотри, мы вместо сетки стальной с наветренной стороны прибили лист жести, чтобы дождём клетку не заливало.

– Так надо было найти целый лист! А тут в середине дырень, вон какая!

– Эту дырень, как ты выразился, пробил головой наш самый большой пёс Ингуш, убегая от тигра. Не любят эти хозяева тайги наших овчарок, принимая их за волков. Там где тигр охотится, там волки боятся появляться. Нам же без овчарки делать нечего на такой сложной и опасной границе.

Через год мы снова встретились. Только не на заставе, а в городе, прямо у нашей калитки. Мой нечаянный экскурсовод, с новенькими капитанскими погонами на кителе, держал за руку мою старшую сестру. Вскоре они сыграли свадьбу, а мне повезло нянчиться с их детками во время моих каникул.

Охота.

Пришёл ноябрь. Выпал первый снег. Пора охотничья настала. А патронов как всегда маловато. Лето и осень удались на огороде урожайными, да и в лесу созрел богатый урожай ягод да грибов, вот и не хватило времени на лесную забаву.

Значит, парочка бессонных ночей уйдёт на то, чтобы дробь сковородкой накатать, свинец выплавить из старых аккумуляторов и пули да картечи отлить, из ношенных-переносенных валенок пыжей нарубить. А уж потом усесться поудобнее на низенькую скамеечку, разложить по порядку все приспособления премудрые на небольшом столике, меркой пороху отмеряя, снарядить патроны.

Одни, с самой мелкой дробью – на птицу да на белку, покрупнее – на утку пролётную и на зайчишку, ещё крупнее – на жирного гуся или лису с енотом. Дядька Фёдор ругается, когда лису дробью бьём, шкурка портится сильно и подранков много уходит, но дробью легче попасть в зверушку, чем одиночной малюсенькой пулькой.

Охота вещь серьёзная, требует верного ружья, сухого пороху, зоркого глазу, добротной одежды удобной и лёгкой, хорошего знания звериных повадок и везения изрядного. Без этого набора только ноги сотрёшь зазря и пустой домой воротишься без пёрышка разноцветного или хвостика пушистого. И останется семья без супчика наваристого, пирожков сытных, подушек-думочек и без тёплых курточек пуховых.

Рюкзачок за спину, лыжи короткие на ноги быстрые, и спозаранку в путь неблизкий отправляемся за таёжными да-

рами. Чем дальше в сопки заросшие уйдёшь, тем больше рюкзак ценными шкурками набьёшь. А если удача нечаянно отвернётся, то выручат капканы железные и петли из ото-жжённой проволоки и прочной лески.

Бежит впереди мохнатый Дружок, хвостом помахивает, вместо компаса дорогу показывает, добычу вынюхивает и го-лос подаёт в нужный момент. Сороки-трещётки только делу мешают, с дерева на дерево перелетают, тревогу поднимают, жителей лесных предупреждают, что настала пора им убе-гать-улетать или прятаться от нас, настоящих охотников.

Целый день топчем свежий снег и только к ночи добира-емся до нашей землянки, упрятанной в глухом распадке от лихого люда. Быстро достаём трубу печную и устанавливаем на место, саму печку заполняем сухими щепочками и дрова-ми, чиркаем спичкой и греем нехитрый ужин.

Раскладываем по полкам и развешиваем по крючкам при-пасы всякие и одежду запасную. Укладываемся пораньше спать на нары берёзовые. Завтра придётся затемно вставать: кто рано встаёт, тому на охоте везёт.

ХЭТС.

Весной 1968 года Бикинская средняя школа №6 проводи-ла меня последним звонком во взрослую жизнь. С Крайнего Севера приехал в отпуск мой брат Генка, глянул на меня, на больную нашу маму и крепко призадумался.

– Хватит тебе, Колька, восьми классов. Раз тебе так нра-вится возиться с транзисторами и проводами, то пойдёшь

дальше учиться в Хабаровский техникум связи, сокращённо ХЭТС. Если хорошо сдашь вступительные экзамены, то получишь общежитие. Вечерами будешь подрабатывать на погрузке вагонов. Так и выучишься. А за нашу маму не беспокойся, её мы устроим в больницу, там за ней присмотрят. Тебе и так досталось с ней за этот год. Ведь совсем перестала вставать с кровати, – подвёл он черту на следующий день.

В июле я на пятёрки сдал вступительные экзамены, выбрал самую престижную тогда специальность «Телевизионная техника и радиорелейная связь», получил место в общежитии. Семь человек в небольшой комнате, кровати в два этажа. Поначалу мы занимались в разваливающемся старом кирпичном четырёхэтажном здании техникума. Вскоре бросили нас на отделку нового здания техникума. Мы месили бетон, таскали кирпичи по этажам, штукатурили стены, шлифовали мраморные полы, убирали мусор. Наши девчата вениками и тряпками наводили чистоту за нами.

На следующий год первого сентября сели за парты в светлых просторных аудиториях. После занятий помогали преподавателям и лаборантам заносить и устанавливать различное оборудование по комнатам и лабораториям.

Обедать бегали в дешёвую столовую строителей «Три поросёнка» в подвале соседнего дома. Готовили там отвратительно, но обед нам обходился всего в 37 копеек. Молоденькие девчата-поварёшки, стоящие на раздаче, строя глазки, втихаря подкармливали нас, накладывая порции поболь-

ше, наливая сметаны до половины железной тарелки, сверху плеснув для вида щей без мяса.

Завтракать нам было некогда – спали до упора, почти до звонка на занятия. Хорошо, что техникум и общежитие были рядышком. Одной минуты хватало, чтобы наспех умыться и домчаться до своей аудитории. Скромный ужин готовили по очереди на общей кухне в конце длинного коридора. Обычно это была жареная картошка или отварные макароны. Плюс жиденький чай. За порядком в комнате следили сами: мыли полы, стирали занавески, гоняли пыль веником...

В конце октября я с другом записался в секцию тяжёлой атлетики в спортивном обществе «Спартак». Тренер нам попался классный, звали его Зекий Иванович. Из-за старой травмы спины он всё объяснял нам на словах, без показов упражнений. Поэтому приходилось трудновато в освоении техники жима, толчка и рывка. Для накачки мускулов мы где-то раздобыли обшарпанные гантели и пудовую гирию. Со временем обзавелись и собственной простенькой штангой, пружинными эспандерами, скакалками, перекладиной. Так наша комната в общежитии превратилась в маленький спортзал.

Особым шиком было подкинуть пудовую гирию повыше и с переворотом, а потом попытаться поймать её. Саша Мелешко пару раз уронил гирию со всего размаха на пол. От мощного удара лопнула плита бетонная.

Учёба стала для меня главным делом. Нам очень повез-

ло с преподавателями. Худой и педантичный Пугачёв читал и разжёвывал нам лекции по устройству радиопередающих устройств, читает их до сих пор нынешним ученикам, и ещё сто лет будет читать. Толстушка русыня вместо уроков водила нас в кино на фильмы по классике русской литературы. Очень толковая математичка Комова острым углом логарифмической линейки навечно вбивала знания в наши зелёные головы.

У меня дома с пользой для дела хранятся три таких линейки. В те годы это была крутая вещь, типа современного Айфона. Когда мне надо удивить современных студентов, я предлагаю им соревнование, кто быстрее перемножит три числа. Я умножаю числа на своей деревянной логарифмической линейке, а они на Айфонах или планшетах. Победа всегда за мной. Сколько я ни пытался объяснить своим подопечным, как это работает, всё бесполезно. Никто из современных умников не осилил чудо инженерной мысли начала двадцатого века.

Кстати, извлечение столбиком корня квадратного из любого числа сейчас даётся с трудом даже круглым отличникам, а у нас круглые троечники легко справлялись с этой задачей.

Мы не только учились, работали, занимались спортом, но и время от времени крепко чудили. То волосы на наших головах становились на короткое время ярко-оранжевыми, а потом сбрасывались под ноль, то брюки клёш расширились

вставными клиньями до сорока сантиметров. Как только нас терпели преподаватели! Каких трудов им стоило победить нашу лень, разбудить интерес к учёбе.

Очень симпатичная экономичка напрасно пыталась научить нас считать деньги на ручном железном арифмометре, дедушке современных калькуляторов. Чтобы умножить любое длинное число на двадцать, надо было набрать это число специальными рычажками, а потом двадцать раз крутануть ручку с правой стороны этой уникальной вычислительной машины. Беспольные и утомительные занятия с подсчётом сотен и тысяч рублей проходили мимо нашей головы, потому что жили мы копейками, а если заводились рубли, то быстро находили им применение. Какая уж тут экономика. Главное – экономия!

Юрий Андреевич Селезнёв, наш классный руководитель, умный и добрый, открыл перед нами волшебный мир телевидения. Полюбили его сразу. После окончания КИИГА (Киевского Института Инженеров Гражданской Авиации) судьба занесла его на Дальний Восток, за 7 тысяч километров. Увлечение боксом в молодости придало лёгкую косолапость его походке.

Чтобы приукрасить нашу непростую жизнь, Юрий Андреевич организовал по субботам постоянные встречи нашей мальчишеской группы ТР-11 с девчачьей группой из кооперативного техникума. Эти вечера дружбы обязательно заканчивались танцами, после которых мы провожали девчат по

улице Ленина до общежития. Строгие вахтёрши не пускали нас дальше входных дверей. Мимо них и мышь не могла прошмыгнуть. Удивительно, но никто из наших парней не влюбился в тех красавиц.

После первого курса Саша Красильников заманил меня в планерную школу. Сначала просто посмотреть, потом помогать растягивать резиновый шнур для запуска его планера в небо. Как-то незаметно дошла и моя очередь освоить старенький «Бланик» и подняться к белоснежным облакам. С высоты открывался потрясающий вид на Амур. Река всегда манила меня. Сманила и на этот раз. Белокрылого небесного парителя променял я вскоре на роскошные белые паруса.

У нас подобралась отличная команда в Морском Клубе. На настоящей военно-морской шлюпке бороздили сначала просторы Усури и Амура, а потом добрались и до моря.

Загорелые и мускулистые, мы не знали отбоя от девчат, когда причаливали к городскому пляжу. В шлюпку набивалась целая стая этих галдящих разноцветных сорок, и мы катили их по величественному Амуру, натирая вёслами свои ладони до кровавых мозолей. Вот это было время!

Проблема была только одна, деньги, почему-то они испарялись с невероятной скоростью. Хотя на столе в нашей комнате всегда стояла трёхлитровая банка с медяками, которые мы туда бросали за произнесённые непечатные слова, за пропуски занятий, за опоздания в постель к гимну СССР в 24-00, за плохо помытые полы. Эти накопления трогать бы-

ло нельзя до окончания летней или зимней экзаменационной сессии.

Раз в месяц мы получали стипендию в 20 рублей. Сразу отдавали 4 рубля 70 копеек за общежитие, а на остальные жили до следующей полочки. Иногда позволяли себе после тренировки забежать в гастроном за трёхлитровой банкой молока и батоном белого хлеба на двоих. Всё съедали прямо на улице. По большим праздникам на десерт я покупал за 32 копейки малюсенькую вкуснейшую сливочную шоколадку, делил по-братски на две сильно неравные «половинки», большую дольку съедал сам, меньшую отдавал Валерке Дончевскому. Потом отправлялись в кино на последний сеанс в Дом Культуры завода «Энергомаш». Иногда выбирались в центр Хабаровска в кинотеатр «Совкино» на улице Карла Маркса.

Там как-то в самые трескучие январские морозы познакомились с двумя девчонками из финансово-кредитного техникума. Они снимали угол в Нахаловке, самом захолустном районе города. По ночам там шалила местная шпана, и каждые наши проводы девчонок домой заканчивались дракой. Синяки нас не очень волновали, а вот порванная одежда сильно огорчала.

Наше общежитие закрывалось ровно в полночь. Приходилось кидать камешки в окна друзей, которые открывали окно в туалете на втором этаже, спускали простыню и поднимали нас наверх.

Летом девушки уехали работать по распределению на

Южный Сахалин, а мы поехали в Биробиджан на практику. Так и разбежались по большой стране наши пути-дорожки.

В те годы моя сестра Люся училась вместе со своим мужем пограничником в Заочном Юридическом Институте на правоведа. В школе она учила французский язык, а в институте надо было осваивать английский. Пришлось мне напрячься и взять на себя большую часть её заданий. Даже экзамены мы с ней сдавали вдвоём. Она выкидывала в форточку английский текст, я тут же переводил, писал и передавал шпаргалку с переводом через очередного студента, идущего на экзамен.

В нашем техникуме тоже было заочное отделение. Два раза в год приезжали на целый месяц взрослые тёти и дяди, сдавали курсовые работы, экзамены и слушали лекции. Все они работали в разных городах Приамурья и Приморья, учиться им было некогда, и мы помогали им делать и сдавать лабораторные и курсовые работы.

Поздними вечерами, а то и всю ночь напролёт, приходилось на общей кухне или в коридоре вычерчивать чёрной тушью на больших листах ватмана схемы радиоприёмников, передатчиков, телевизионных камер, блоков питания или антенн.

За эту работу заочники рассчитывались с нами продуктами, которые они привозили из дому. Один из них, телевизионный мастер из Владивостока, попросил меня срочно написать за него дипломную работу. Пришлось попотеть изрядно. Всё сделал на совесть. Юра внимательно прочитал гото-

вый диплом и попросил переделать, вставить пару ошибок, затуманить главные мысли, чтобы дипломная комиссия оценила работу не на пять, а на четыре, пусть даже с минусом.

– Ведь не поверят, что я сам писал итоговую работу, давай, выручай! – уговорил он меня.

Пришлось ломать то, что с таким трудом изобретал по ночам. В душе моей всё переворачивалось от возмущения, что приходится халтурить. Больше никогда в жизни я не поддавался на уговоры сделать работу кое-как, за что и получал частенько по шее и по другим частям тела.

Хороший мужик Юра, уезжая в свой Владивосток, на прощанье приобнял меня и подкинул классную идею:

– После учёбы в техникуме поезжай в Бауманку, твоё место там.

Всего несколько обычных слов круто изменили всю мою дальнейшую жизнь. Это сейчас молодым легко и просто что-то узнать, что-то найти, достаточно достать смартфон из кармана и спросить всезнайку Google.

А тогда мне пришлось побегать, поискать знающих людей, чтобы выяснить, что это за Бауманка, и где она находится. Потихоньку стал копить деньги на авиабилет до Москвы и готовиться к поступлению. Я не смог купить школьные учебники за девятый и десятый классы, в которых никогда не учился. Выручили меня купленные в букинистическом магазине две книги: справочник по элементарной математике М. Я. Выгодского и справочник по физике для поступающих

в вузы под общей редакцией проф. Н. П. Калабухова. По ним и готовился день и ночь, навёрстывая упущенное.

До сих пор удивляюсь, как мне тогда удалось сдать вступительные экзамены в МВТУ имени Н. Э. Баумана. Без репетиторов, без подготовительных курсов, без школьных знаний. Чудеса да и только. Мало того, я ещё и сдавал вступительные экзамены по математике устно и письменно в МИФИ за ребят из Баку.

Стыдно признаться, но тогда я получал по 40 рублей за каждое такое некрасивое деяние. Эти два умных справочника до сих пор лежат у меня на полке на самом видном месте, чтобы исправлять пробелы в знаниях очередного школьника или студента, скатившегося на двойки и тройки, и пришедшего ко мне за помощью.

Четыре года учёбы в техникуме пролетели, как огненный метеор по небу. Наши чудесные преподаватели и начальники относились ко мне очень хорошо, даже слегка подправили мою биографию, простив мою единственную единицу в зачётке, выставленную строгой мадамой за моё единственное посещение такого «необычайно важного» предмета, как «Телефонная связь», где изучали схему и устройство настольного телефонного аппарата ТА-56, который я раскурочил на атомы ещё в свои неполные шесть лет. Мне, будущему специалисту по телевидению, было зазорно изучать такую древность и тратить время понапрасну. Пришлось пересдавать этот экзамен самому Марку Россинскому. В итоге за отлич-

ную учёбу мне торжественно вручили диплом в красной обложке. Пять лет никому не удавался такой подвиг.

Каждый раз, когда беру в руки свой смартфон Айфон, вспоминаю свою позорную единицу, своих друзей, свой ХЭТС, такой далёкий, такой родной.

2017 год.

Бедовая ракета.

Полёт свободной гордой птицы

По вечерам мальчишке снится.

Наутро крылья мастерит

С покатою крыши вдаль летит!

Юность моя кипела и бурлила, как рыбацкая уха на костере. Занятия в техникуме, стройотряд без зарплаты, кино и танцы по выходным, тяжеленная штанга в спортзале «Спартак» каждый день, походы по Амуру под парусом...

По вечерам брал паяльник в руки, чтобы спаять очередной радиоприёмник для друга или подружки. После таких напряженных деньков упасть на койку и проспать бы часиков 15, ан нет, далеко за полночь сидит ершистый пацан за столом, заваленным проволочками, железками, картонками и собирает очередную ракету. Да не просто ракету, а ещё и с крылатым ракетопланом.

Началось это увлечение в семилетнем возрасте. С соседскими мальчишками объезжали на велосипедах все стройки в нашем городке, высматривая, где работают газосварщики. У них-то мы и подворовывали карбид кальция во время обе-

денных перерывов.

Драгоценные куски этих волшебных серых камней позволяли нам наплевать на земное притяжение, и запускать высоко в небо банки из-под сгущённого молока. Достаточно было выкопать в земле небольшую ямку, налить туда пару кружек воды, бросить в воду кусочек карбида и быстро накрыть сверху перевернутой банкой без крышки... Раздавался хлопок, и банка устремлялась ввысь.

Если удавалось раздобыть побольше карбида, то запускали сразу целую гирлянду из связанных между собой банок. Острый мальчишеский ум догадался превратить простой полёт в настоящий фейерверк. В ход пошли магниевые ручки с калиток жителей дальних улиц. Откручивали их днём, когда взрослые были на работе. Потом брали в руки напильник и превращали изящные ручки в мелкий порошок, в который добавляли разные химикаты. Полученной смесью обмазывали наши банки изнутри. Запускали такие огненные шедевры поздними вечерами, под неистовый лай дворовых собак.

Прогресс в наших головах не дремал ни минуты. На свалке в воинской части нашли выброшенные жестянки со старыми кинофильмами. Оказалось, что киноплёнка прекрасно горит. Тут же дотумкались свернуть длиннющий кусок киноплёнки в рулон, этот рулон вытянуть в полуметровый стержень, обклеить его в несколько слоёв плотной упаковочной бумагой светло-коричневого цвета, приклеить снизу треугольнички стабилизаторов, и ракета готова.

Первые такие ракеты взлетали невысоко и скучно. Когда же попробовали, сразу после поджигания торчащей снизу полоски киноплёнки, резко сдавить хвостовик ракеты двумя дощечками, то удалось получить вместо огненной струи вулканическое извержение густого чёрного дыма. Высота подъёма отдельных удачных ракет достигала десятков и сотен метров. Это был настоящий успех. Цена его – опалённые брови и ресницы, ожоги на руках и босых ногах.

Иногда случались и откровенные неудачи. До большой беды, правда, дело не дошло, но пару раз мы могли крепко пострадать. Спасала интуиция. Особенно опасным оказалось испытание ракетного ускорителя для велосипеда. Никто не решился прокатиться с ним. Видимо я ошибся в расчётах, и результатом стал грандиозный взрыв. Велосипед отправился на металлолом, обгоревшая одежда – в костёр, а у меня на лбу появился первый шрам.

Шли годы. Мы выросли и умнели. Наши ракеты становились всё мощнее и лучше. Их раскрашивали, наклеивали весёлые картинки, снабжали парашютами, крыльями, подневольными пилотами: мышками да лягушками. Если бы нам кто-нибудь подкинул тогда большой мешок денег на творчество, то сейчас мы бы танцевали вальс «Бостон» на Марсе.

Юнга.

Как хорошо быть юным моряком! Особенно если ты живешь в Хабаровске! Выходишь на крутой берег и замираешь перед величием реки Амур, принявшей в себя буйные воды

Зеи, Буреи, Сунгари и Уссури.

– Если Ирану дать такие могучие реки, то через 5 лет Иран станет самой богатой страной в мире! – воскликнул в 1970-ом году шахиншах Ирана Реза Пехлеви, стоя на амурском утёсе и любуясь необъятной ширью водной глади в месте слияния Уссури и Амура.

Нам по 15 лет. И мы владеем этим водным богатством сейчас. Это наши реки. Мы, студенты Хабаровского техникума связи, хозяева этих рек, этих берегов и островов. Еле дождавшись окончания занятий, летим в столовку и стрелой мчимся на Уссури в Морской клуб.

В команде 6 курсантов и один старшина шлюпки ЯЛ-6, Вовка Семенов. Наша первейшая задача – это подготовить шлюпку к соревнованиям: очистить от старой краски, проконопатить на совесть, отполировать до зеркального блеска и покрасить с величайшей тщательностью, чтобы летела она по волнам стрелою.

Шлюпка очень тяжёлая. Нам стоило невероятных усилий вшестером вытащить её на крутой бугор к стенам Морского клуба, перевернуть вверх днищем и уложить на подкладочные брусья.

Пять часов, до самых сумерек, без перерывов на обед и отдых готовили к покраске, мечтая о победе. Красить пришлось при свете фонарей. Уставшие, но довольные, ехали на последнем трамвае в своё общежитие.

На следующий день с утра предстояла первая отборочная

гонка на вёслах.

Вёсла и шлюпка не пушинки, одно весло весит 16 кг, их шесть штук, и шлюпка со снаряжением восемь сотен килограмм! И нас семеро крепких парней.

Мы точно будем первыми: шлюпка как зеркало блестит, сила молодецкая в мышцах кипит, и настрой самый боевой.

Рано утром приехали на Уссури и упали, словно громом небесным поражённые: песочная шершавая шуба плотно-плотно покрывала днище шлюпки. Оказывается, вечером после нашего ухода с реки, налетел буйный вихрь и на непросохшую краску насыпал толстый-толстый слой песка...

Зеркало превратилось в наждачный камень. О какой скорости можно говорить теперь, когда и дураку понятно, что не будет плавного стремительного обтекания корпуса шлюпки, да и сама она стала намного тяжелее. И всё-таки мы вышли на старт, рвали вёсла с нечеловеческой силой, кровью сочились ладони, пот заливал глаза...

Финишировали вторыми, пропустив вперёд только заводскую команду наших друзей. Свою шлюпку они шлифовали, красили и полировали до блеска за два дня до старта.

Естественно, что на чемпионат России поехали парни с завода «Энергомаш».

Мы же глотали горькие слёзы...

Хе-Юн-Чин.

Кто только не учился в нашем техникуме связи в городе Хабаровске. Дети русских и украинцев, нанайцев и бу-

рятов, корейцев и грузин... Потомки полсотни разных народов. Самым необычным учащимся оказался Хе-Юн-Чин, старший сын китайского коммуниста, приговорённого на родине к смертной казни за то, что раскритиковал идею Мао-Цзе-Дуна о Большом Скачке. В те годы в Китае много честных и умных людей сложили свои головы в борьбе за лучшую жизнь.

Отцу нашего Хе удалось бежать из тюрьмы и с семьёй переплыть на рыбацкой лодке через реку Уссури. Россия приютила беглецов, хотя лет за 8-10 до этого всех китайцев с Дальнего Востока выселили в Китай из-за резкого ухудшения отношений между нашими странами в начале шестидесятых годов прошлого века. Да и браконьерничали они в тайге Уссурийской очень уж нагло и безжалостно. Многие наши бикинские охотники сложили свои бедные головушки под пулями хунхузов.

В раннем детстве мы с пацанами бегали на окраину нашего города, чтобы посмотреть на китайские фанзы. Глиняные круглые домики, высотой всего метра полтора, с чёрными соломенными крышами, с глиняными полами, с одним мизерным окошечком из рыбьего пузыря поражали своим убожеством даже нас, привыкших к русским развалюхам и баракам.

Наши родители частенько повторяли нам, что надо хорошо учиться, иначе будем жить, как китайцы. Маленькие чумазы и худющие китайчата зимой и летом бегали между

фанзами практически голые. Поодаль было два небольших поля, одно с гаолянном, второе, совсем маленькое, с диким рисом, чумизой. Воду носили из реки вёдрами на коромысле.

Взрослые китайцы были чуть выше нас, подростков. Жилистые и выносливые, они ценились как грузчики, по-китайски ку'ли. По-русски мешок картошки-это куль. До сих пор не понимаю, как они умудрялись таскать на себе эти тяжеленные кули' с картошкой по шатким сходням с берега на кургузые ржавые баржи.

Затем речные буксиры цепляли за собой две-три баржи и отправлялись вниз по Уссури и Амуру в город Комсомольск-на-Амуре, чтобы накормить рабочих на заводах. Когда китайцы уехали на родину, опустевший посёлок сравнивали с землёй бульдозерами буквально за несколько минут.

Сам Хе-Юн-Чин был высоковат для китайца, видимо в его жилах было больше благородной маньчжурской крови. Учился в основном на тройки. Редкие четвёрки ставили из жалости, так как русский язык давался ему тяжело.

Поражало другое. У него в голове словно всего две скорости переключались: одна медленная, как у черепахи, вторая стремительная, как у хищной харзы. Попросишь у него пятак взаимы, постоит с пустым взглядом пару минут, потом сорвётся с места и исчезнет вдали. Прибежит через час и протянет два пятачка.

Жадности у него вообще никто не замечал. Но и щедростью не отличался. Да и с каких таких шишей ему было быть

щедрым, когда в его животе постоянно гуляли пустота с голодухой.

Как-то в соседнем гастрономе грузчики загуляли, и девчата-продавщицы уговорили нас с Валеркой Дончевским разгрузить вечером две машины с продуктами. За работу нас одарили шикарным тортом. Возвращались в своё общежитие усталые, грязные, но довольные. Решили устроить пирушку на славу, позвать моих и Валеркиных друзей. Один торт на 12 человек. Праздник!

В нашей маленькой комнате сидел на кровати и делал уроки один Хе. Остальные парни где-то болтались допоздна. Поставили торт на стол, взяли полотенце и побежали в душ на первый этаж, чтобы смыть грязь с себя. Когда вернулись, коробка из-под торта валялась в мусорном ведре, а Хе спал. Мы были готовы убить злодея, только никак не могли понять, как он успел за две минуты съесть торт и уснуть. Попили голого чая и завалились на боковую.

Глубокой ночью проснулись от звучного чавканья. Валерка включил свет, и мы увидели Хе, уплетающего наш торт за столом. Этот засранец обдурил нас, засунув коробку с тортом в мусор. Ну, что тут будешь делать?

В нашей памяти ещё были живы слова популярной послевоенной песни «Китаец и русский – братья навек»! Не убивать же брата из-за сладкого куска?

В те годы после летних экзаменов всех студентов направляли на работу в стройотряды. Это была возможность и от-

дохнуть от учебы, и заработать немного денег на жизнь. Нашей группе крупно «повезло». Нас заставили бесплатно рыть траншею под канализацию к новому зданию техникума.

Работа тяжёлая и очень грязная. Строители утопили свой экскаватор, такой коварный оказался грунт на глубине. До революции 1917 года там располагались конюшни казачьих войск. Пришлось изрядно повозиться в навозной жиже, прокладывая лопатами траншею, укрепляя стенки, засыпая дно щебнем и песком.

В одном месте путь преградила ржавая дырявая труба. Олег Опевалов попросил Хе, глазеющего на нас сверху, кинуть кувалду. Тот, как всегда, постоял, подумал и исчез. Устав ждать помощника, только взяли за лопаты, как над нашими бритыми головами просвистела «Маруська», как тогда ласково называли могучий русский инструмент...

Каждое воскресенье мы проводили на реке в Морском клубе. Ходили под парусом на яхтах, качали мышцы тяжёлыми вёслами на нашей шлюпке, гоняли на моторных скутерах по Уссури.

В шлюпочные походы обязательно брали с собой и нашего китайца, чтобы приучить к коллективному труду и внести в его голову умение быстро мыслить. Волны и ветер помогали нам в этом стремлении.

Чуть зазеваешься, тут же окажешься за бортом, а то и парусом вмажет по ушам или по физиономии. Поначалу всё шло хорошо. Парень освоился довольно быстро. Мог часами

грести, когда шли на вёслах. Помаленьку стали доверять и управление парусом при слабом ветре.

Амур – река могучая, очень широкая возле Хабаровска. Есть где ветру разгуляться. Налетит из-за острова шквал неожиданно и разметает многочисленные яхты во все стороны, иные и перевернёт. Шлюпка наша остойчивая, очень тяжёлая, трудно перевернуть, если только какой-нибудь дурак не подставит её боком к ветру при полных парусах.

В один из июльских походов, когда Хе сидел на корме шлюпки и управлял фока-парусом, проморгали мы налетевший резкий порыв ветра, по-нашему шквал. Все бы обошлось, да только наш подопечный забыл завести фока-шкот за специальный обушок на корме и намотал его на руку, чтобы легче было удерживать фок этим тросом.

Ветер рывком надул парус, как парашют. Бедный Хе взлетел высоко вверх, крутанулся в воздухе и грохнулся плашмя о воду. Мы с Петькой Соловьём прыгнули за борт, сообразив, что от сильного удара наш невольный «лётчик» потерял сознание.

Шлюпку на полном ходу не остановить. Выполнить разворот и вернуться надо минут 10, а то и больше. Пётр доплыл первым на место и принялся нырять, пытаясь достать ушедшего под воду непутевого «морехода». Тут и я подоспел.

Не дали мы утонуть бедолаге. Зато водички амурской наглотался он прилично. На всю жизнь крепко запомнил, что нельзя нарушать морские законы даже в тихую погоду и на

море, и на реке, и на озере, и в стакане молока...

Шторм.

Наш Морской клуб располагался на реке Уссури, недалеко от места слияния её с батюшкой Амуром. Летом десятки самых разных яхт и водно-моторных скутеров наполняли весёлой жизнью необъятные водные просторы. В непогоду все они оставались в эллинге.

Только наша прочная военно-морская спасательная шестиместная шлюпка ЯЛ-6 устремлялась в азартный бой с ветром и волнами. Шесть загорелых пятнадцатилетних парней дружными взмахами пудовых вёсел выводили шлюпку из небольшой гавани на речную уссурийскую ширь.

По команде нашего главы экипажа – старшины Володи Семёнова, сидевшего на корме и управлявшего рулём, отточенными движениями быстро поднимали паруса и шли вниз по течению к Амуру. У каждого из нас было своё место и свои задачи.

Передняя часть шлюпки носила название бак, задняя – корма. Четыре поперечные доски для сидения, назывались банками. На первой банке от носа шлюпки сидели два самых легких и жилистых гребца, именуемые баковыми. Один из баковых гребцов управлял передним парусом – кливером, когда ветер позволял идти под парусами.

На средней банке располагались два гребца покрепче и с хорошей реакцией, чтобы своими вёслами работали в унисон с остальными гребцами.

На кормовой банке были места для самых крепких и сильных гребцов. Их называли загребными. Они должны были иметь отличную выносливость, могучие бицепсы, большую становую силу спины, сильные ноги и хорошее чувство ритма для выполнения мощных и ровных гребков во время гонок на вёслах. Только в этом случае можно было рассчитывать на высокую скорость шлюпки и на победу в различных соревнованиях.

Чтобы наполнить силушкой могучей наши мышцы, мы всей командой занимались через день в секции тяжёлой атлетики в спорткомплексе «Спартак», где пудовые гири и грузные штанги сами прыгали к нам в руки.

У бакового гребца была ещё одна необычная обязанность – по команде «Баковый, за борт!» он должен был выпрыгнуть в воду и удерживать тяжёлую шлюпку от удара о прибрежные скалы при неудачных маневрах в сильный ветер. Почему-то прыгать в бурлящую холодную воду приходилось только мне, и не один раз за поход.

В безветренную погоду и в сильный шторм мы ходили на вёслах, а в хороший ветер ставили паруса. Движение под парусами на реке никогда не получается по прямой линии, обычно приходилось идти зигзагами, то есть галсами. Особенно трудно было управлять шлюпкой при встречном ветре, приходилось часто менять курс, переключать паруса с одного борта на другой и быстро выполнять разворот, чтобы не перевернуться.

Кроме этого надо было отслеживать движение других судов, чтобы избежать столкновения, хорошо знать рельеф дна, чтобы не наскочить на мель. Снять шлюпку с неё в сильный ветер очень трудно, а иногда и невозможно без посторонней помощи.

Долгие месяцы упорных тренировок позволили превратить тяжёлый труд в увлекательные походы по могучему Амуру. Молодые силы бурлили в нас и звали вперёд, не взирая на многочисленные опасности. Честно говоря, мы над этим не задумывались, сам чёрт не страшен был.

Климат на Дальнем Востоке носит муссонный характер, поэтому погода может меняться очень быстро. До обеда светит солнце, на небе ни облачка, а после обеда неожиданно появляются чёрные тучи, и начинаются ливни, нередко с грозами и шквалистым ветром. Спокойная гладь Амура в миг превращается в беснующееся море, а берега не разглядеть сквозь потоки воды.

Стремясь выплеснуть свой буйный адреналин, мы старались идти под парусами на грани дозволенного. Чтобы порывы ветра не опрокинули нашу шлюпку, мы «брали рифы», то есть уменьшали площадь парусов, подвязывая их специальными завязками – «риф-штертами», и свешивались за борт, как противовесы.

Вода пронзала нас со всех сторон: дождевые потоки сверху, бушующие волны снизу. Ветер терзал и наше судно, и наши тела, заглушая команды старшины.

Захлебываясь, но, не сдаваясь, раздирая рот, кричали:

– Мы сильнее бури, мы сильнее ветра, только батюшка Амур всех сильнее на свете!

Любая оплошность грозила повреждением мачты или парусов, опрокидыванием шлюпки, потерей принадлежностей, продуктов, наших вещей и даже гибелью. Ни в коем случае нельзя было бросать перевёрнутое судно и пытаться в одиночку спастись. Обычно это плохо кончалось. Борьба с волнами, ветром, брызгами, и холодом выматывала пловца, и на финише просто не хватало сил выбраться на берег.

После нескольких часов борьбы со стихией рулевой направлял измученную шлюпку в узкие протоки между речными островами в поисках тихого местечка, где быстро и чётко выгружались на берег, ставили большую палатку, разжигали примус, кипятили чай, грелись сами и сушили одежду, промокшие снаружи, счастливые внутри.

Орлы над Хехциром.

Майские праздники для студента – это чудесная награда за долгие месяцы упорного труда. Можно забыть про учебники и беззаботно отсыпаться в опустевшем общежитии. Да кто же даст Кольке поваляться на кровати!

Мой товарищ уговорил-таки слетать с ним к его матери в глухую таёжную деревушку, чтобы починить обветшавшую крышу дома. Его отец пропал в тайге несколько лет назад. А в одиночку крышу не отремонтируешь. Что делать, надо помочь другу. Полетели.

Старенький АН-2 чихнул несколько раз и заскользил над бесконечными сопками, распадками, извилистыми речками и делянками леспромхозов. Я прилип к иллюминатору, наслаждаясь красотой Уссурийской тайги.

Во время захода на посадку мы услышали глухой звук сильного удара. Самолёт качнуло несколько раз в разные стороны. Из кабины донеслись крепкие возгласы. На стоянке мы увидели, что в правом стекле кабины зияет дыра.

Из разговоров экипажа с наземными техниками мы поняли, что, когда пролетали горный хребет Хехцир, наш АН-2 атаковал беркут. Оказывается, такое происходит довольно часто. За летний сезон орлы нападают на небольшие самолёты Хабаровского авиаотряда больше сотни раз. Наверное, они так охраняют свою территорию от чужаков и залётных Дон Жуанов.

Орбита.

Четыре года учебы в Хабаровском техникуме связи пролетели, как отпуск на море. Все друзья-однокурсники разъехались по стране в разные стороны к местам новой работы. Самая большая группа молодых техников отправилась в город Комсомольск-на-Амуре, в распоряжение Комсомольского радиоцентра.

В поселке Хурмули, расположенном севернее города юности, в то время строился новый объект космической связи «Азимут-К». Туда и направили дружную компанию ребят и девчат. У меня был свободный диплом, поэтому мог вы-

брать себе работу в любом городе. Куда-то ехать в одиночку не хотелось совсем и, погуляв летом по Москве, не добрав половину балла на вступительных экзаменах в Бауманское Училище, приехал в начале сентября 1972 года в Комсомольск-на-Амуре, а затем в Хурмули к своим товарищам по учёбе.

– Ура! Нашего полку прибыло! Теперь обеспечены и кетой, и икрой! – встретили меня друзья громкими криками.

Вечер провели за бутылочкой пива и рассказами о романтическом местном житье-бытье. Мне даже показали целый обзорный фильм, снятый Витей Ивановым на 8-мм киноплёнку. На экране я увидел шикарную девушку и дал парням слово, что она станет моей женой. Через три месяца мы с ней познакомились, а в июне следующего года сыграли молодёжную свадьбу в городе Комсомольске-на-Амуре в прекрасном Дворце Молодёжи, который довелось строить в школьные годы мои.

Все молодые специалисты, прибывшие на работу из Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Ташкента, Новосибирска и Хабаровска были поселены в двух бараках в лагере для заключённых под названием «База».

В остальных жили бесконвойные заключённые (сокращённо «зэки»), прозванные народом «химиками», которые и строили станцию. Барак – это низкий длинный дом из утеплённых фанерных щитов. В каждом таком доме было по шесть комнат, по два крылечка, по два общих тамбура, где

стояли по две железные бочки с питьевой водой, которую привозила водовозная машина два раза в неделю.

За колючей оградой лагеря коптила небо высоченная круглая кирпичная труба котельной, работающей на каменном угле. Паровое отопление нагревало радиаторы до сотни градусов. Это позволяло пережить суровые зимы без особых проблем. Только этот самый пар на выходе сбрасывался на улицу и, замерзая, нарастал огромными глыбами льда вокруг окон.

Общая уборная из горбатых досок стояла на отшибе. Все постройки были обнесены общим высоким забором из горбыля и тремя рядами колючей проволоки. По углам стояли сторожевые вышки, на которых до нашего приезда день и ночь несли службу часовые, в овчинных тулупах, валенках и с автоматами.

Уже весной следующего года обещали построить пятиэтажный дом и всем дать квартиры.

Станция космической связи «Азимут» состояла из двух частей: работающей «Орбиты-1» и строящейся «Орбиты-2», спрятанных в котловине между сопками в шести километрах от нашего жилья в восточном направлении.

Сам поселок Хурмули находился в километре от «Базы» в западном направлении за небольшой сопкой и представлял собой две широкие длинные грязные улицы с глубокой колеей, пробитой тяжёлыми лесовозами в мягкой земле.

Небольшие и приземистые, почерневшие от времени до-

ма, срубленные из отбракованных брёвен кое-как, прятались со своими неопрятными огородиками за покосившимися заборами из штакетника. Узкий тротуар из толстых досок спасал народ в распутицу. Одна улица называлась Верхняя, другая – Нижняя, потому что тянулись по косогорю.

В поселке жили в основном ссыльные, сосланные в далёкие тридцатые годы из центральных областей России, и которые работали в леспромхозах (лесопромышленных хозяйствах), разбросанных по тайге. Вблизи посёлка извивалась между сопками небольшая речка Хурмулинка.

Небольшой вокзал, два магазина, две столовые, почта, клуб, милиция – вот и всё, весь поселок. Жителей было около пяти тысяч. Все мечтали когда-нибудь заработать много денег на лесоповале и уехать на свою родину.

Проходили годы, а исполнение давней мечты все откладывалось на потом из-за повального пьянства. Вагон вина местные мужики и бабы выпивали за несколько дней и ждали с нетерпением, когда в магазины завезут новую выпивку. Добраться до города можно было в сухую погоду на попутных машинах по разбитой грунтовой дороге или на поезде по леспромхозовской железнодорожной узкоколейке.

Пассажирский поезд был точной копией ковбойских поездов времен освоения Дикого Запада в Америке: небольшие двухосные зелёные вагоны с фанерными стенами и полотняным верхом тянулись за нещадно дымящим паровозом. В центре каждого вагона стояла железная печка «буржуйка»

с кучкой угля рядом, который подбрасывался в топку кем-либо из более или менее трезвых пассажиров. Проводников никто и никогда не видел в глаза.

На грязных скамейках храпели те, кому ехать далеко. Стойкий запах несвежей рыбы, давно немых тел и противной корейской рисовой водки «Пхеньянсул» за три рубля 62 копейки с печной копотью вперемешку вызывал у новичков обморочное состояние. Туалетов в поезде никогда не было, надо было потерпеть до следующей остановки и сбегать до кустиков.

Рельсы были уложены на высокой насыпи так криво, что поезд проходил 68 километров от Комсомольска до Хурмулей за четыре часа и так же «стремительно мчался» в ночи остальные 130 километров до конечной станции Березовской.

Вдоль железной дороги то там, то сям валялись ржавые колёсные пары и останки разбитых вагонов, оставшиеся после многочисленных аварий. Два раза в день, утром и вечером, к баракам подъезжали пузатый курганский автобус столетней давности и бортовой грузовик ЗИЛ-157, чтобы отвезти народ на работу.

Первая «Орбита» располагалась в круглом одноэтажном кирпичном здании с тремя лучами пристроек, в которых находились комнаты с аппаратурой связи, мастерские, столовая, спортзал. Над центральной частью смотрела в небо огромная 12-метровая чаша управляемой параболической

приёмопередающей антенны.

Вторая «Орбита» размещалась в отдельном громоздком здании с 25-метровой антенной наверху. Космическая связь с подмосковной станцией «Азимут» в Дубне осуществлялась через спутник «Молния-1», постоянно вращающийся вокруг Земли по вытянутой эллиптической орбите.

Работа шла круглые сутки. Самым трудным было вручную наводить антенну на спутник. Со временем удалось получить новинку науки и техники, позволившую перейти на автоматическое сопровождение. Это было программное устройство, в которое надо было вводить по точкам параметры орбиты путём установки контактных штырей-перемычек в гнезда на наборном поле. В те времена это был шедевр инженерной мысли, предшественник будущих компьютеров.

Основные аппаратные залы именовались по выполняемой функции: телевидение, приёмные устройства, передающие устройства, телефония, радиорелейные линии... Инженеры и техники в этих больших комнатах наблюдали за работой аппаратуры и быстренько переключались на резерв при отказе основных блоков, соблюдая принцип «связь должна быть бесперебойной». Любой сбой прерывал телефонные разговоры сотен и тысяч абонентов, оставлял без телевизионной картинки сотни тысяч телезрителей и прилично уменьшал нашу квартальную премию.

Строительство станций системы «Орбита» сблизило Москву и окраины, заменило ненадёжную связь по бесчис-

ленным проводам и кабелям. Сейчас невозможно представить, что в те годы надо было идти пару километров на переговорный пункт, заказывать разговор и ждать час или более, чтобы 5 минут поговорить с любимой.

Осенняя рыбалка.

Кипит молодая кровь. Успеваем и на работу каждый день в смену по 17 часов, и с ружьишкой пробежать по тайге, и в футбол сразиться с Хурмулинскими парнями не на жизнь, а на смерть. По субботам, как положено, в клуб на танцы вечерком.

Только рвётся душа на речной простор. Сентябрьская кета на нерест пошла из Амура в малые реки. Правдами и неправдами выбиваем себе отгулы на работе, и ночным ковбойским поездом отправляемся на рыбалку подальше от цивилизации на небольшую речку под названием Дуки.

Станция носит такое же название, Дуки. В кромешной тьме вываливаемся из фанерного вагона и по звёздам находим дорогу к воде. Разматываем свои снасти на галечном берегу и делаем первые забросы. Первобытный вопль уносится ввысь. Это Сашка Мелешко вытаскивает первую рыбку под пуд весом.

Вскипает азарт. Бросок следует за броском. Кидаем подальше и резкими рывками вытягиваем толстую леску, укладывая её кольцами на берегу. Вокруг темнота непроглядная. Куда бросаем снасть, сам чёрт не знает.

Не спит рогатый помощник. Пошли зацепы один за дру-

гим. К рассвету остались вообще без единой закидушки. Всё, что было, оборвали крепкие наши руки. Одну рыбину как разделить на семь человек? Вите – хвост, Коле – голову, Саше – балык, Ване – тещу, остальным – по пёрышку?

Проснулось солнышко осеннее, разогнало косматый туман. Три огромных дерева, одно за другим, растянулись по течению прямо посередине реки. Весенним паводком где-то в верховьях вырвало их из крутого берега и принесло на наше место. Ловите парни рыбку золотую!

Надо плыть туда и выручать наши крючки и грузила. Я раздеваюсь первым и пробую зайти в воду. Ледяная! Выскакиваю на берег и начинаю подпрыгивать, чтобы согреться. Выход один. Плыть надо одетым и обутым. Натягиваю резиновые сапоги, привязываю их к поясу, чтобы не утопить, и решительно бросаюсь в реку. Сильное течение быстро сносит меня мимо цели. Успеваю ухватиться немеющими пальцами за тонюсенькую вершинку последнего дерева и осторожно подтягиваюсь к веткам покрепче.

Сашка и Мишка пролетают мимо моих вытянутых ног, скользнув руками по сапогам, и плывут обратно к берегу. Осторожно выбираюсь на могучий ствол, лавируя между ветками и гирляндами острых и ржавых крючьев. Не один десяток горе-рыболовов оставили здесь свои надежды.

Распутать эти колючие хитросплетения и жизни целой не хватит. Достаю нож и вырезаю снасти кусками. Грузила прячу в карманы штормовки, крючки с обрывками лески – в

припасённый рогожный мешок. Теперь бы до берега хватило сил доплыть. Застыл в мокрой одежде на ветру.

Друзья растянулись цепочкой на отмели ниже по течению. Вдруг придётся на выручку ко мне плыть. Сползаю по веткам в воду и устремляюсь к берегу, где разгорается большой костёр. Сапоги, полные воды, тянут меня на дно. Приходится молотить руками изо всех сил. Ох, не зря я накачивал мышцы в шлюпочных походах по Амуру в любую погоду. Одолел-таки стремнину. Далековато только унесло меня течением.

Выбираюсь на берег, негнушимися руками скидываю всю одежду и нагишом бегу метров двести мимо обалдевших друзей. Нарезаю тридцать-сорок кругов вокруг костра, пока не начинаю чувствовать внутреннее тепло. Сашка отдаёт мне две свои запасные рубашки. Одной растираюсь до боли, вторую тут же натягиваю на себя. Маловата кольчужка, трещит по швам. Кстати, я храню её уже 46 лет на своей полке в бельевом шкафу в память о нашей дружбе.

Мишка вливает мне в рот полстакана дешёвой горькой перцовки, съёт кусок хлеба с салом. Теперь жить можно. Хорошие у меня друзья. И девахи хорошие, что стоят поодаль и покатываются со смеху, глядя на меня. А у каждой по десятку кетин на берегу лежит. Девки местные, знают, где рыбу ловить, а где концерт бесплатный смотреть.

Мост любви.

Семь тысяч километров от Москвы прямо на восток до

Хабаровска, 400 километров на север до Комсомольска-на-Амуре, ещё 68 километров на север до посёлка лесорубов под названием Хурмули и три километра на Запад до речки Хурмулинки. Такой путь предстоит тем, кто пожелает соединить прочным браком свои судьбы раз и навсегда.

Этой традиции уже 80 лет. В 1935 году началось строительство восточного участка Байкало – Амурской Магистрали и дальневосточного аэрограда – города Комсомольска-на-Амуре.

Тысячи молодых, весёлых, задорных, озорных парней и девочек приехали на стройку из центральной России. Кому-то из них и пришлось в голову прогуляться с любимой в Новогоднюю ночь по глухой тайге в мороз тридцатиградусный до небольшого бревенчатого моста через речку, и там сказать главные слова в своей жизни при свете негасимых звёзд.

Так и повелось. Люди встречались, влюблялись, шли на мост любви, играли свадьбы, растили детей, чтобы однажды вечером рассказать им о днях своей далёкой молодости.

Я совершил такое путешествие 44 года назад. Мост любви не подвёл. Мы с моей половиной до сих пор храним на губах морозный привкус того поцелуя.

Апрель 2017 года.

Обручальные кольца.

Долгих 4 месяца я ухаживал за самой красивой девушкой Дальнего Востока. В начале мая 1973 года сделал ей предложение руки и сердца на вершине горы, украшенной кустами

цветущего багульника. Свадьбу назначили на 8-е июня.

Если бы мы представляли, сколько забот и хлопот свалятся на наши головы, то ещё бы лет 20 гуляли на свободе. В нашей деревне не оказалось почему-то ни свадебного салона, ни магазинов модной одежды.

В 20 лет хочется быть красивыми и неотразимыми. Пришлось ехать за 200 километров в посёлок Дуки, где на складе леспромхоза отыскали шикарный костюм для меня, правда, слегка узковатый в плечах.

Обласканная кладовщица, немного повздыхав, ушла в дальний угол огромного сарая и вскоре привезла в большой коробке столовый сервиз на 12 персон из тончайшего японского фарфора.

– Это вам на долгую память о Дальнем Востоке, где вы повстречали свою судьбу.

Со свадебным платьем и туфлями дело сначала застопорилось, дошло даже до слёз. Ничего приличного мы не нашли и в городе Комсомольске-на-Амуре, где обшарили все магазины. Выручила подружка невесты, пожертвовавшая отрез самого модного тогда белого кримплена, который она берегла на свою свадьбу.

Директор Городского Дома Молодежи предложила организовать комсомольско-молодёжную свадьбу у них в шикарном танцевальном зале с участием городского телевидения. Наш радиоцентр выделил автобусы и заказал номера в лучшей гостинице.

Оставались две проблемы: кольца и туфли. В то непростое время ювелирные изделия были в страшном дефиците. Попросту говоря, их вообще не было в магазинах Комсомольска. Случайно узнали, что в конторе Домостроительно-го Комбината, затерянного в глухой тайге, есть обручальные кольца, завезённые в доисторические 30-е годы двадцатого века, да так и оставшиеся не у дел.

Долгая поездка по разбитой лесовозами грунтовой дороге на допотопном автобусе, без дверей и стёкол, оказалась настоящим испытанием наших желудков. Каким же было разочарование, когда самые большие кольца еле-еле надели на кончики мизинцев. Не для наших трудовых рук старались золотых дел мастера, а для изысканных музыкальных китаянок.

Последнюю надежду нам подарили друзья из Хабаровска, пообещав помочь. Выпросив пару дней отгулов у начальства, на перекладных добрались до аэропорта и купили билеты до города моей юности. На взлётном поле нас ожидал изрядно потрепанный самолёт АН-24. Минут через 30 после взлёта увидели, как задымил правый двигатель. Я подозвал стюардессу и предложил взглянуть в иллюминатор.

– Командир уже в курсе. Вы только не волнуйтесь. Всё будет хорошо. Наш самолёт совершит посадку в аэропорту города Хабаровска. – успокоило меня очаровательное создание в голубой пилотке.

Дальнейший наш полёт на малой высоте над разлившимся

вширь Амуром с многочисленными кораблями больше походил на выкрутасы малолетнего хулигана за рулём отцовской "Победы". Не хотел бы я оказаться на месте моряков, спешащих увести свои теплоходы в сторону от нашей чадящей торпеды.

В Хабаровске нас первыми встретили пожарные машины, расставленные вдоль посадочной полосы. Пилоты, в мокрых от пота рубашках, покинули самолёт последними.

На следующий день мы улетали обратно в Комсомольск, увозя две бархатистые коробочки с широкими обручальными кольцами и две коробки с фирменными туфлями для жениха и невесты.